

Дин Цзыму медленно поднялся, подошел к окну и вгляделся в того человека. Он протянул руку, чтобы коснуться его лица — оно было ледяным. Ощущение пронизывающего холода пробежало от кончиков пальцев прямо к сердцу, вызвав острую, колющую боль.

— Что с тобой? — тихо спросил Дин Цзыму.

Человек медленно покачал головой, не проронив ни слова.

— Ты плачешь? — Дин Цзыму осторожно коснулся его щеки. Она была влажной и по-прежнему холодной.

Человек едва заметно кивнул.

Дин Цзыму во все глаза смотрел, как этот человек меняется: его высокая, худощавая фигура на глазах начала уменьшаться, становясь хрупкой и тонкой. Он моргнул, и перед ним уже стоял восьмилетний ребенок.

Теперь Дин Цзыму разглядел его отчетливо: за спиной у мальчика был потрепанный рюкзак с изображением Ультрамена — настолько грязный, что невозможно было понять, синий он или черный. На нем были черные вельветовые брюки и грязноватая серая толстовка. У мальчика были огромные глаза, хотя Дин Цзыму не мог понять, то ли они были такими от природы, то ли лицо настолько исхудало, что на фоне заостренного подбородка глаза казались неестественно большими.

Я разглядел тебя, — подумал Дин Цзыму. — Если завтра учитель Ян спросит, я смогу ему ответить. Но зачем ты пришел ко мне?

Дин Цзыму наблюдал, как мальчик молча подошел к двери спальни и сел прямо у порога. Он обхватил колени руками, сжался в комок и спрятал в них лицо.

— Что ты делаешь? — спросил Дин Цзыму.

— Спать хочу, — наконец произнес мальчик. Этот жалкий, робкий голос отозвался болью в сердце Дин Цзыму. Он почувствовал, что ребенок до смерти напуган.

— Хочешь, я посижу с тобой? — предложил Дин Цзыму.

Мальчик поднял голову и вдруг улыбнулся.

На следующее утро Ян Имин проснулся от звонка будильника с ощущением, что голова готова расколоться, а глаза были такими воспаленными, что их невозможно было открыть. Он просидел за компьютером до трех часов ночи и поспал меньше четырех часов.

Ян Имин мучительно ворочался в кровати, не желая вставать, но сегодня нужно было ехать в экспериментальную школу, так что лениться было нельзя. Мысленно пожелав всего «хорошего» руководству центра педагогических исследований, он неохотно поднялся и привел себя в порядок. К тому времени, как он собрался, было уже почти полвосьмого.

Завтракать было некогда. Проверая, на месте ли ключи и телефон, Ян Имин постучал в дверь гостевой спальни.

Внутри было тихо.

Спит крепко, — подумал он. — Вчера столько всего случилось, он устал. Пусть поспит подольше.

Ян Имин уже собрался уходить, но, сделав пару шагов, остановился. Он прислушался у двери, но, разумеется, ничего не услышал. Он взялся за ручку, колеблясь: стоит ли заглянуть? Входить вроде бы невежливо, но не проверить — тревожно.

Ян Имин слегка повернул ручку и приоткрыл дверь. Спальня была маленькой, и через щель почти все было видно. На бледно-зеленой кровати аккуратно лежала подушка, одеяло было сложено ровно, на простынях не было ни складки. Дин Цзыму нигде не было.

Ян Имин вздрогнул и распахнул дверь. Войдя, он сразу увидел Дин Цзыму: тот сидел в углу у двери, обхватив колени руками, сжавшись в комок, спрятав лицо. Ян Имин в два шага подлетел к нему и схватил за плечи:

— Дин Цзыму!

— М-м? — Дин Цзыму сонно поднял голову, его глаза были красными.

— Что ты тут делаешь? — Ян Имин потянул его за руку и почувствовал, что пальцы Дин Цзыму ледяные. В испуге он приложил ладонь к его лбу — к счастью, жара не было.

— Учитель Ян? — Дин Цзыму явно еще не до конца пришел в себя. Его голос был сухим и хриплым, каждое слово звучало с надрывом. — Что-то случилось?

— Что-то случилось? — Ян Имин горько усмехнулся. — Дин Цзыму, это я должен спрашивать, зачем ты просидел всю ночь на полу!

— Я? — Дин Цзыму моргнул, его взгляд постепенно прояснялся. Он оглядел комнату и сам испугался. — Я... я не знаю... Почему я сижу на полу?

Дин Цзыму охватила паника, переходящая в отчаяние. Он опустил голову и пробормотал:

— Учитель Ян, психиатр... это значит... мне нужно в психиатрическую больницу?

— Перестань нести чушь, — Ян Имин обнял его за плечи. — Не трать зря медицинские ресурсы. С твоим уровнем самоконтроля в психушке тебя возьмут разве что санитаром!

Дин Цзыму поднял на него глаза, полные мольбы и беспомощности. Ян Имину стало невыносимо жаль его. Хотя он работал со многими людьми, страдающими психическими расстройствами, с таким случаем, как у Дин Цзыму, он столкнулся впервые. Он не знал, с чего начать, как успокоить его, как дать ему почувствовать себя в безопасности и заслужить доверие, чтобы тот позволил заглянуть в свою душу.

— Пойдем, ложись в кровать, простудишься, — Ян Имин с усилием поднял его с пола — это было почти объятие. В тот же миг у Дин Цзыму подкосились ноги, и он беспомощно рухнул в объятия Ян Имина.

— Ноги затекли? — спросил Ян Имин.

Дин Цзыму кивнул, его тело подрагивало, но он все равно пытался устоять на ногах.

— Ладно, опирайся на меня, — сказал Ян Имин. — Не геройствуй, в таком состоянии ты далеко не уйдешь.

Дин Цзыму сжал зубы и, пошатываясь, все-таки устоял.

Упрямый, — подумал Ян Имин. Но, наверное, только благодаря такому упрямству люди и выживают в подобных обстоятельствах.

— Сможешь дойти? Хочешь, на руках донесу? — пошутил Ян Имин, пытаясь разрядить обстановку. — Могу попробовать понести тебя как невесту.

Дин Цзыму лишь выпрямился еще сильнее.

Ян Имин посмотрел на него — они были почти одного роста — и вздохнул:

— Да я же шучу... Не упирайся, давай помогу.

Он полубоялся Дин Цзыму и довел его до кровати.

— Ложись, — скомандовал Ян Имин. — А я приготовлю что-нибудь горячее, на улице такой холод.

Он направился на кухню. Проходя через гостиную, он на секунду задержался, чтобы позвонить в экспериментальную школу и отпроситься. К счастью, дел там сейчас было немного, и отпуск дали без проблем. Ян Имин открыл холодильник — пусто, только две пачки молока. Посмотрев на срок годности, он решил сварить обе, чтобы не пропали.

Микроволновка тихо гудела. Ян Имин смотрел, как крутится чашка, пытаясь успокоиться. Он вспоминал, как увидел Дин Цзыму в первый раз: тот сжался в комок, пытаясь втиснуться в угол стены. Это была защитная поза — он явно был в состоянии крайнего ужаса и пытался спрятаться от какой-то угрозы.

От чего он прячется? Что произошло с ним в восемь лет или раньше?

Дзынь! Звук микроволновки вырвал его из раздумий. Ян Имин нашел полпачки хлеба и, не глядя на дату, вернулся в спальню.

Дин Цзыму по-прежнему сидел на краю кровати, вытянувшись в струну. Даже по его спине было видно, что каждый нерв натянут, как перед прыжком.

— Дин Цзыму, — Ян Имин вложил ему в руки чашку с молоком. — Выпей и ложись спать.

Дин Цзыму сжал чашку, глядя на белую жидкость.

— Я задерну шторы, поспи немного, а когда проснешься, поговорим.

Ян Имин встал, чтобы задернуть шторы — оказывается, всю ночь они оставались открытыми. Это движение напомнило Дин Цзыму о чем-то важном. Он зашевелил губами и тихо сказал:

— У него был рюкзак, цвет не разобрать. Черные вельветовые брюки, серая толстовка, глаза большие... очень большие.

Его едва слышный голос безжизненно эхом отдавался в тихой комнате. За окном уже вовсю светило солнце, но Ян Имину вдруг стало холодно.

— Что ты сказал? — переспросил он, обернувшись. — Я не расслышал.

— Тот мальчик, — Дин Цзыму поднял голову и уставился прямо на Ян Имина. — Я разглядел

его.

Ян Имин нахмурился.

Дин Цзыму медленно поднял руку и вытянутым пальцем указал на зашторенное окно:

— Я видел его. Он был там.

Ян Имина пробрала дрожь. Взгляд Дин Цзыму был остекленевшим, он смотрел сквозь него, не фокусируясь ни на чем. Ян Имину показалось, что этот взгляд пронзил его насквозь — в глазах Дин Цзыму его просто не существовало.

Ян Имин подошел и осторожно сел рядом. Кровать прогнулась, Дин Цзыму качнулся и придвинулся к нему. Ян Имин естественным движением положил руку ему на плечо и мягко притянул к себе.

— Что он тебе сказал? — спросил он.

Дин Цзыму вздрогнул:

— Я думал...

— Что ты думал? — Ян Имин слегка усмехнулся. — Что я скажу: не думай об этом, это галлюцинация? Или: ничего страшного, поспишь и забудешь? Да?

Дин Цзыму положил голову на плечо Ян Имина. Им было не очень удобно сидеть рядом, но Дин Цзыму чувствовал тепло и безопасность. С самого детства его никто не обнимал с такой защищающей нежностью, поэтому он инстинктивно прижался еще ближе.

— Дин Цзыму, — Ян Имин похлопал его по плечу, словно передавая свою смелость, — знаешь, что самое важное в терапии? Бегство. Любую проблему можно решить, если посмотреть ей в лицо.

Дин Цзыму помолчал, а потом ответил:

— Учитель Ян, он ничего не сказал. Я видел, как он прошел мимо окна — не знаю, как он это сделал, — а потом он просто оказался передо мной. А потом...

— Что потом? — тихо, но твердо спросил Ян Имин.

— Я не помню.

Дин Цзыму растерянно повернул голову к Ян Имину. Он был так близко, что видел свое отражение в глазах учителя. Эта сцена показалась ему очень знакомой — будто когда-то, где-то он уже видел себя так же ясно в светлом месте. Только тогда ему было очень холодно, а сейчас — тепло.

— Учитель Ян, я правда не помню. Не помню, что он мне сказал, и не понимаю, зачем сидел на полу. Учитель Ян, раньше со мной такого не было. Мне кажется... моя болезнь прогрессирует.

— С логической точки зрения это нельзя назвать ухудшением. На тебя навалилось слишком много событий, ты подавлен, поэтому появление более серьезных симптомов неудивительно. Как только настроение улучшится, ситуация станет намного лучше.

— Но я ведь ненормальный, правда?

Ян Имин немного отстранился и посмотрел ему прямо в глаза. У Дин Цзыму были большие глаза, в которых отчетливо отражались все его чувства. Сейчас в них был только Ян Имин — как единственная соломинка, за которую можно ухватиться.

— Да, — сказал Ян Имин. — Дин Цзыму, ты действительно нездоров, и ситуация серьезная.

Дин Цзыму опустил глаза и медленно сжал кулаки.

— Но, — Ян Имин схватил его за плечи и заставил поднять голову, — я вылечу тебя. Ты веришь мне?

Дин Цзыму молчал, опустив взгляд.

Ян Имин терпеливо ждал. Секунды тянулись бесконечно, вызывая раздражение. Наконец Дин Цзыму поднял голову и сказал:

— Учитель Ян, верю.

Успокоив Дин Цзыму и проследив, чтобы он выпил молоко, Ян Имин протянул ему белую таблетку:

— Прими лекарство.

Дин Цзыму молча взял таблетку, положил в рот и запил молоком.

— Ты такой доверчивый, а вдруг это яд? — Ян Имин уложил его в кровать, накрыл одеялом и улыбнулся.

— Яд — тоже неплохо, — тихо ответил Дин Цзыму.

Ян Имин замер, а потом несильно похлопал его по щеке:

— Слушай сюда, парень. С этого момента ты мой пациент. В твоей голове должна быть только одна мысль: я пациент учителя Яна, я не могу посрамить его репутацию, я должен поправиться. Понял?

— Понял, — послушно кивнул Дин Цзыму. — Я не посрамлю вашу репутацию.

Ян Имин удовлетворенно выпрямился:

— Дома нет снотворного, так что я дал тебе лекарство от простуды, его состав поможет тебе крепко поспать. Когда проснешься, мы вместе составим план.

Дин Цзыму кивнул и проводил глазами Ян Имина. Дверь медленно закрылась.

На улице по-прежнему шел дождь, небо было пасмурным, а после того, как задернули плотные шторы, в комнате стало совсем темно. Дин Цзыму повернулся на бок. Через щель в двери пробивался яркий свет из гостиной — этот свет успокаивал его, ведь по движению теней он понимал, что Ян Имин ходит где-то рядом.

Учитель Ян в квартире, я в безопасности. Подумав об этом, Дин Цзыму почти мгновенно провалился в глубокий сон.

Ян Имин перерыл кучу книг в кабинете. Текущие симптомы Дин Цзыму подходили под множество расстройств, некоторые психические заболевания на ранних стадиях проявлялись точно так же. Ему нужно было найти корень проблемы. Вчерашняя книга Юнга подарила ему идею: нужно оценить Дин Цзыму с точки зрения личности и характера. Ян Имин открыл на компьютере модель MMPI — Миннесотский многоаспектный личностный опросник. Он решил, что как только Дин Цзыму проснется, они его заполнят, чтобы хотя бы примерно понять его психологическое состояние, а потом провести тест EPQ...

Он провозился до самого полудня. Вспомнив, что ничего не ел, он заглянул в спальню. Дин Цзыму спал так же крепко, даже не перевернулся.

Ян Имин уже хотел закрыть дверь, как вдруг услышал слабый кашель. Он на цыпочках

подошел и приложил руку ко лбу — тот был раскаленным.

Черт! Все-таки простудился. Ян Имин в отчаянии подумал, что жаропонижающего дома, кажется, нет. Он тихо вышел, накинул куртку и собрался спуститься в аптеку, но тут зазвонил телефон.

— Дядя, мама и папа сегодня работают допоздна, приходи скорее поиграть со мной, а потом своди меня куда-нибудь поесть, я хочу в Пиццу Хат! — раздался возбужденный голос Сюй Чжуцзюня. Ян Имин подумал, что, возможно, ему самому сейчас лучше серьезно заболеть.

Ян Имину потребовалась всего секунда, чтобы выбрать между «рассказать сестре, что дома прячется мужчина» и «отказаться любой ценой». Он сказал:

— Цзюньцзюнь, дай телефон маме.

— Имин, — сказала Ян Шуанмин, — мне только что звонили из лаборатории, нужно срочно ехать с твоим зятем. Присмотри за Цзюньцзюнь.

— Почему в садик не отвезли?

— В садике сейчас эпидемия болезни «рука-нога-рот». — Ян Шуанмин не дала ему шанса отказаться. — Во сколько ты освободишься? Я завезу ее к тебе на работу, забереешь ее с собой, а вечером мы ее заберем.

Ян Имин закатил глаза. Дома у него лежит больной с температурой.

— Я сегодня не работаю, привозите прямо домой, — сказал он.

Повесив трубку, он помчался за жаропонижающим. Дин Цзыму был в бреду, спросонья проглотил лекарство и снова завалился спать. Ян Имин заказал доставку еды, взял еще порцию говяжьей каши, поставил в холодильник, чтобы Дин Цзыму поел, когда проснется, а сам, кое-как перекусив, тоже лег поспать.

Около двух часов дня его разбудил звонок в дверь. Сонный, он открыл ее. В квартиру ворвалась радостная Сюй Чжуцзюнь:

— Дядя! Дядя! Давай играть!

Ян Шуанмин стояла на пороге:

— Твой зять ждет внизу, нам пора. Следи, чтобы Цзюньцзюнь пила побольше воды, и не разрешай долго играть в приставку.

Ян Имин закивал, провожая сестру, а потом посмотрел на маленькую принцессу семьи:

— Ну что, ваше величество, во что играть будем?

— В теннис!

Ян Имин с тяжелым вздохом подключил приставку, и девочка начала гонять по гостиной перед телевизором.

— Цзюньцзюнь, давай поужинаем дома пиццей, а? — спросил он. Ян Шуанмин ушла, не оставив денег — это было некрасиво. Девчонка ест как не в себя, опять триста юаней вылетит.

— Нет, я хочу пойти в Пиццу Хат! — запыхавшись, крикнула Сюй Чжуцзюнь, размахивая игровым контроллером.

— Цзюньцзюнь, — Ян Имин присел перед ней, закрывая экран, и серьезно сказал: — У дяди дома больной, мне нужно за ним ухаживать, поэтому я не могу пойти с тобой в кафе. Давай закажем доставку?

Цзюньцзюнь тут же остановилась:

— Кто у тебя дома?

— Старший брат, он заболел.

— Почему он живет у тебя? — Сюй Чжуцзюнь сразу ухватила суть дела.

— Ну... потому что он заболел, — Ян Имин попытался сгладить углы.

— Если заболел, почему не поехал к себе домой? В садике говорят, что если кто-то заболел, надо идти домой, а то заразишь других.

— Потому что у него дома некому за ним ухаживать, вот он и живет пока у дяди.

— А когда он поправится, ты отправишь его домой?

Ян Имин подумал: «Господи, откуда у тебя столько вопросов? Ты что, энциклопедия?»

— Когда поправится... — уклончиво ответил он, — конечно, пойдет домой.

— Он живет в моей комнате?

— Да, — Ян Имин взмолился: — Ваше величество, вы не могли бы сосредоточиться на теннисе?

— Но почему он живет в моей комнате? Почему не в дядиной? Учительница говорит, больным нельзя ходить в чужие дома, это заразно.

<http://bllate.org/book/19775/1948321>